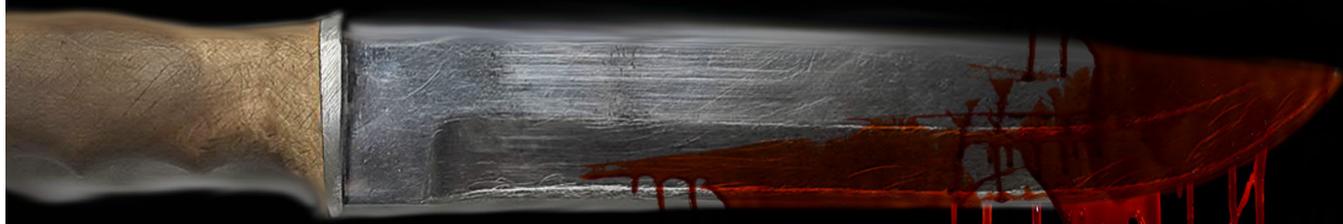

КАНКАН

ВИКТОР РЯБЕНИН

Виктор Рябинин

Канкан

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Рябинин В.

Канкан / В. Рябинин — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Местами смешная повесть детективного жанра. Действие разворачивается где-то в глубине России времён весёлых ярмарок и зажигательного канкана. В разгар гуляний в номерах съезжего дома происходит нелепое убийство. Следствие ведут не только местные сыщики, высшие полицейские чины столицы, но и знаменитый американский детектив Нат Пинкертон. К концу повествования криминальный клубок будет распутан, и читатель, вволю повеселившись над треволнениями героев, с сожалением закроет книгу, так и не встретив на её страницах Шерлока Холмса.

© Рябинин В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виктор Рябинин

Канкан

1

По осени, убрав в закрома хлебные злаки и лён-долгунец, Тарас Опонасович Пидстуло, хозяин пахотных земель под спорые озимые и владелец заливных лугов с тучными стадами, выбирался на ярмарку к иноверцам в уездный город Ссыквтыктвар. Наезжал он на гулянья налегке без семейных уз и бабьего хомута, чтоб натешиться вольницей среди съезжего народа и себя показать во всей красе. Хозяйство оставлял на верную супругу Ольгерду Брониславовну, женщину надёжную, из старорежимных чухонек, батюшка которой и вовсе был выходцем из курляндских самоедов первого причастия. А посему и Ольгуша была нрава сурового, со времён девичества никого близко к себе не подпускала, кроме разве что законного мужа, да и то по праздникам в разговенье. Поэтому хозяин поместья был спокоен за семейный устав и чистоту собственного приплода, несмотря на частые отлучки по случаю собраний мелкопоместного уездного дворянства или прилюдных выступлений дамского варьете в кафешантанах ярмарочного балагана. Любил, грешным делом, Тарас Опонасович самолично лицезреть канкан парижского разлива и, любуясь голыми лытками шансоньеток, не раз говаривал за штофом мадеры под солёный огурец:

– Хороша Глаша да не наша, – и разгладив бороду на две стороны, добавлял: – Зато Матрёну сразу трону.

Однако же, опрокинув второй кувшинец тёмного эдинбургского, Тарас Опонасович всегда приходил в игривое расположение духа и уводил в номера первую, подвернувшуюся под руку подавальщицу. И имел на это полное право как работающий кормилец семейства и благодетель поместного работного люда. Тем более, что Ольгерда Брониславовна не признавала праздных игрищ и забав, а сходилась с богоданным муженьком лишь за-ради продолжения фамилии и то из-под палки. Не любила она зряшной людской потехи с глазу на глаз и на голое тело. И хоть родовое имя застолбить не удалось, всё же пришлось Ольгуше благополучно разрешиться от бремени. Целых два раза за один приём и всё девками. Одну по святам нарекли Апраксией, другой подобрали более подходящее имя Русеяна. Дочки удались справные как колобки, без изъяна в головах и нравом вроде как в отца – певуньи и хохотуньи ни с чего. Девушки о сию пору были на выданье, с богатым приданым и полным курсом церковно-приходской школы. Бойко и местами наизусть читали псалтырь, попевали бегом обмерить десятину под зябь и ставили роспись не крестом, а вензелем. Отец не мог нарадоваться на кровинушек и многое спускал им с рук. То девичью дрёму до полудня, то потраву гончего кобеля, приспособленного к розыску блажных девок далеко за полночь. Поэтому нежилась Апся с Русей в пожизненном укладе словно на пуховых перинах, катались в сельском бытие как сыр в масле. И уже к осьмнадцати годкам были готовы идти под венец с любым принцем, лишь бы в плисовых портах, вышитой рубаше и при картузе с лаковым козырьком. То есть, как учил батюшка: чтоб и удаль молодецкая, и мошна купецкая!

Так бы всё и шло по накатанному, не случись более года тому назад у Апси с Русей плотский грех. Правда, дело не дошло до брюхатости, но зато со славой на весь приход. Гостил о ту пору в их хлебосольном доме молодой и смышлённый сынок старого знакомого ещё по японской войне Гаврилы Наумовича Возгреватого. Звали недоросля ласково Потапка и был он поновомодному грамотный, проведши год на обучении у французского гувернёра с хорошими манерами. Прибыл молодец без особого на то приглашения, хороводился с дворовым бабьём, считай всё лето, а выпроводили под белы руки и со скандалом уже чуть ли не на Воздвижение.

Но поначалу выказал себя таким проворным да услужливым, что и выгнать взашей было не за что. Уж на что Ольгерда Брониславовна на руку скорая, но и та гостя терпела, благо он ей глаза не мозолил. Да и сам-то Потапка всё больше пропадал на рыбалке или на дальних выгонах помогал санным девкам по хозяйству. Так что до время никому и ни с какой стороны урону не было. Так бы и шло это гостевание без последствий, пока конюх Никодим не залучил Потапку без исподнего и даже порток в обнимку с Апсей и Русей у старой коновязи на прошлогоднем сене. Старый и верный Никодим тогда чуток разумом не повредился, так как и девицы обретались о ту пору не то что без юбочнок, но даже и без ночных станушек домодельной маминой выделки. То есть были голыми как два облупленных яйца и к тому же верхом на вьюноше, но с разных сторон. Скакали белотелые голубицы на Потапке словно кони в галоп, а тот валялся покойником, без суставного движения во членах, и даже голоса не подавал из головы, придавленный ядрёными лядвьями одной из сестёр, в то время как другая гнездилась на его тощем брюхе. Никодим сроду о таких посиделках не слыхивал, сраму оного не видывал и сатанинства такого не нюхивал, а потому стрелой полетел к хозяину с известием, едва успев оповестить всю округу о таком чуде. Так что девок снимали с Потапки чуть ли не всей деревней, соболезнуя родителю и вытирая слёзы матери Ольгерде Брониславовне гарусными платами. Да, натерпелись тогда страху за рассудок дорогого гостя и здоровье белотелых кобылиц! Однако, всё обошлось. А когда Потапка стал растолковывать селянам французские обычаи и нравы при ухаживании за предметом страсти, поседевший с правого виска Тарас Опонасович повелел Никодиму всех троих виновников заморского торжества нравов отходить прилюдно недоуздом по мягким местам так, чтобы они и на ровное-то место с неделю садились с оглядкой. Пороли молодёжь весело, с прибаутками и переглядыванием по-соседски, так как до народа к тому времени дошло понимание всего заморского действа. Вот с той поры и пошёл процесс аж по всем хуторам и мызам. «Пойдём играть в скакалки», – по-простому приглашали дивчины парубков в межсезонье полевых работ. А ежели который отказывал, то его прозывали меринном и в замужество к такому шли неохотно. Поговаривали, что на местного кузнеца саживались и втроём, но то, как приживалась там третья молодуха, хранилось на зависть всей округе в тайне.

После совместных отцовских разборок, Потапку упекли в солдатчину, а девок в монастырь до полной правки. Но всё это творилось по кровному знакомству и чтобы придержать у народа языки. Так что солдатик вскорости пошёл в гору и дослужился до обер-фейерверкера при штабе фельдъегерской связи, а девки через год с небольшим вернулись под отчий кров полностью очистившимися и непорочными, отмолив грехи в постных бдениях и щедрой милостынею в церковную кружку.

Но это всё случилось некоторое и уже забытое время тому назад, так что сейчас в семье Тараса Опонасовича и Ольгерды Брониславовны были тишь да благодать, хоть пой песни на четыре голоса, хоть пляши барыню в три ноги. Поэтому и ехал на ярмарку полным хозяином помещик Пидстуло, безо всяких тяжких дум в голове и с лёгким сердцем. Пообещался домашним разориться только на подарки. Ольгуше оренбургский полушалок от зимних стуж, Апсе же с Русей полный туес печатных тульских пряников с маковыми крендельками. Уж если праздник, то на всех, а не токмо утеха хозяину в питейном заведении да отдохновение буланому коняге у торбы с ямщицким овсом. Так уж повелось, что на сезонное гулянье ездил Тарас Опонасович всегда один. С того ещё праздника повелось, когда увязалась за ним старшенькая Апраксия. Всего-то и постарше Русеяны на часок, но задала трёпку всему уездному полицейскому околотку на сутки. Еле сыскал беглянку Тарас Опонасович на городском посаде в обнимку с местным ухажёром. А если бы мать-Ольгуша куда утекла? Поэтому и не брал с собой длинноволосое племя хозяин, поэтому и гулял один, хоть для себя и выкинул из памяти вольнолюбство дочери.

Народ на осеннем разгулянье колобродил рыбным косяком. Вроде и в одну сторону, но каждый сам по себе. Кому купить, кому продать, кому украсть, ежели своего нет, а иному и

вовсе лишнее, где ни попадая спустить на горячую голову. Оставив конягу под надёжным приглядом в ямской, Тарас Опоначевич вольно разгуливал по базарной площади, выглядывая знакомцев за-ради душевного разговора в чайной или другой какой попало ресторации. Можно было заглянуть в кафешантан ради срамных плясок. Таких, чтоб глаз горел и путался в подвязках, когда актриски начинают вскидывать свои кружевные юбки выше головы либо со всего маха заламывать их на спину. А для таких номеров требовался надёжный товарищ, чтоб без пустозвона в голове, чтоб как партизан двенадцатого года. Но на такие постановки надо идти под вечер, перед самым походом в апартамент с одной из балетниц. Можно и не с одной, как в позапрошлый год, когда был урожай на озимые и овёс. А нынче-то пуд отошал ввиду засушливого лета, так что особо мощной не потрясёшь, пыль в глаза либо под юбки без огляда непустишь. На одну верхивостку всего и наскребёшь, и то без битья посуды и половых. Дорожает жизнь год от года, а поплакаться некому! И Тарас Опоначевич вдругорядь за утро заглянул в чайную. Прислужник ловко спроворил полуштоф анисовой с мочёным яблоком. Организм подношение принял с готовностью, так что вскорости сам-друг пан Пидстуло следовал по площади с молодецкой твёрдостью, только пыль под смазным сапогом. Остановился перед навощенным столбом посреди площади, чтобы полюбопытствовать: сумеет ли очередной ухарь добраться до пары сапог, что подвешены к перекладине на самой верхотуре этой народной забавы или скатится наземь, словно куль с мякиной? Сам бы для гимнастики членов полез, да положение и степенный возраст не позволяют. Раньше, бывало, с такого же столба свой зад не раз и не два о мостовую равнял, зато и сапоги прилюдно примеривать тоже приходилось. А порой и по целой вязанке бубликов принародно добывал. Что ни говори, но цепкость в руках-ногах о ту пору была немалая!

– Сударь, – вдруг услышал Тарас вкрадчивый голосок за спиной. – А не тряхнуть ли стариной, любезнейший? Не показать ли удаль молодецкую без посторонней оказии? Или совсем скукожилась былая силушка? Ась?

Солидного по всем меркам человека, коим считал себя Тарас Опоначевич, эта сторонняя подначка задела за живое. А так как он был горяч в решениях, то на голос развернулся проворно и уже готовым решением вытряхнуть из порток никчемного собеседника. По молодости-то не одного заставлял сверкать голым задом вдоль калашных рядов. Правда, и в пыточную не раз саживали, но он, однако, всегда откупался, протрезвев с первым рассветным лучом. Так ведь и не князь-воевода либо бледная немочь голубых кровей, чтоб избежать полицейского надзора, а самый что ни на есть житель народного происхождения, хоть и с достатком.

– А чтоб тебя подняло да назад брякнуло! – взревел он оборачиваясь, но ещё не занеся руку для крепкого с маху приветствия. – А чтоб тебя разорвало как лягуху, – хотел было продолжить знакомство, но остановился, всмотревшись в обидчика:– Сват Говрила, – узнал Тарас Опоначевич близкого соседа. – Я ведь тебя с утра по кабакам разыскиваю. А ты сам под руку напрашиваешься, – и он бросился троекратно целоваться с другом детства.

А то как же! Ведь перед ним стоял сам Гаврила Наумович Возгреватый, старый товарищ и затейник в игрищах, родный батюшка придумщика Потапки, поротого на конюшне о позапрошлом, считай, годе! А воспоминания об этом конфузе всегда веселили отцов семейств. С одной стороны от смелой придумки сынка, а с другой – от изобретательности дочек. Ведь не всякий человек до таких телесных пределов додумается. Тут и ум, и порода сразу чувствовались!

Долго стояли верные приятели и кумовья посреди площади, не зная с чего начать праздник, но голод не тётка, тем более духовный, а потому вскорости сидели они за отдельным столом в кафешантане и вспоминали прошлогоднюю ярмарку.

– А по какой цене тогда пошли овсы? – вопрошал, к примеру, Гаврила.

– Так до Палашки-то в ту осень очередь и не дошла, – со вздохом отвечивал Тарас.

– А всего-то с месяц и гуляли, – оправдывался один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.